

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФЕНОМЕНА БЕЗОБРАЗНОГО В АНТИЧНОЙ ЭСТЕТИКЕ

Н.А. Карпенко
Витебск, ВГУ

Предмет эстетики и содержание эстетического не ограничивается лишь сферой положительных ценностей. Отношение к действительности включает в себя и моменты отрицательного переживания, которые обуславливают существование других, негативных феноменов эстетики, таких как безобразное, низменное, трагическое. В философско-эстетических исследованиях категории «безобразное» не уделяется должного внимания, не смотря на то, что она является антиномической составляющей прекрасного, постоянным ее «спутником».

Опираясь на работы Платона, Аристотеля, Плотина, как наиболее важные философские источники, фиксирующие ключевые идеи заявленной нами темы, а также на работы таких исследователей как А.Ф. Лосев, М. Элиаде Н.А. Кун, А.А. Нейхардт можно сделать следующий вывод, что в контексте античной эстетики феномен безобразного становится предметом философского анализа, и оформляется в категорию с определенным местом и содержанием.

Античная эстетика сформировала два основных подхода к интерпретации безобразного: 1) онтологический, в контексте которого безобразное выступает в значении хаоса, небытия и соотносится с понятиями космос, бытие, прекрасное; 2) этический, где безобразное рассматривается в противопоставлении с такими понятиями как добро, благо.

Первые представления о безобразном мы находим в древнегреческой мифологии, где безобразное выступает в виде физического феномена, персонифицируясь в чудовища, отличительной чертой в изображении которых является отсутствию меры – многорукость, многоноготь, отсутствие тела [1].

Отождествляя безобразное с хаосом, как подсказывает этимология самого слова безобразное – «без-образное», отсутствие образа, порядка, хаос, греки отмечали противоборство полярных начал Космоса и Хаоса, Прекрасного и Безобразного, Добра и Зла. Космос – представлялся как порядок, благо и красота; Хаос – все неупорядоченное, безобразное, аморфное, непостижимое. А.Ф. Лосев отмечал, что бесформенный и беспредельный Хаос понимался греками как «универсальный принцип сплошного и непрерывного, бесконечного и беспредельного становления... вечно творящее живое лоно для всех жизненных оформлений» [2, 580-581].

Утверждая целесообразность прекрасного Сократ определяет безобразное как не пригодное для достижения определенной цели, нецелесообразное, дурное, низкое, злое. Абсолютизация критерия целесообразности, утилитарности привела Сократа к релятивистской трактовке понятий прекрасного и безобразного, к потере ими собственно эстетической специфики. Примером служат известные диалоги Сократа с Аристиппом «прекрасна навозная корзина, а золотой щит – предмет безобразный ...», с Евфидем «полезное прекрасно для того, для чего оно полезно».

В классический период развития античной философской мысли прекрасное и безобразное приобретают онтологический статус. Такой подход был заложен Платоном, который обосновывал красоту как свет, исходящий от идеи идей. Постулируя, что прекрасное – это «идея» красоты, Платон представляет трансцендентный мир идей (эйдосов) как совокупность абсолютных и совершенных образцов возможных вещей. Эйдос понимается Платоном как внутренняя форма, им-

манентный способ бытия объекта. Вещь мыслится совершенной в силу соответствия своему эйдотическому образу, идее, объективация которой выступает целью становления бытия данного объекта. Безобразное же, означающее крайнюю степень отрицательных качеств бытия, в онтологическом аспекте приобретает черты, свойственные небытию.

Понимая безобразное по преимуществу, как разрушение эйдоса, маркирующего сущее, Платон распространяет его на все сферы действительности и подчеркивает в нем ослабленное действие идеи или ее отсутствие как основного признака небытия.

Для Аристотеля, в отличие от Платона, прекрасное – не объективная идея, а объективное качество явлений: «прекрасное – и живое существо, и всякая вещь...» [3, 654]. Аристотель, определяя структуру прекрасного полагал, что ему присущи величина, пропорции, порядок. Нарушения (искажения) пропорции, порядка, формы представляются характеристиками безобразного.

В контексте своей теории мимесиса (подражания) Аристотель утверждает, что не только прекрасное, но и безобразное может быть предметом художественного творчества. По его мнению, действительно безобразный предмет может быть изображен прекрасно. Причина кроется, прежде всего, в потребности человека в знании, в мастерстве художника, а также в способности искусства к очищению, к катарсису [3, 648 – 649]. Отсюда следует, что эстетическое переживание безобразного двойственно: наслаждение художественным произведением сопровождается чувством отвращения к самому предмету.

Аристотель эксплицирует связь безобразного с комическим (смешным): «... смешная маска есть нечто безобразное и искаженное, но без боли» [3, 659]. Он определяет смешное как часть безобразного: «смешное есть некоторая ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное» [3, 659].

Представитель неоплатонизма Плотин, безобразное связывает, прежде всего, с бесформенностью (отсутствием формы) которое оказывается одним из важнейших признаков материи. Все сущее, т.е. нечто ставшее, возникает благодаря проникновению формы в бесформенную и пассивную материю путем преодоления ее аморфности.

Степень завершенности и цельности процесса становления позволяет говорить о разных градациях красоты. Если становление воплощает только немногие разрозненные потенции эйдоса, и не связывает их между собой, если оно не упорядочивает материю, оставляя ее бесформенной и безобразной, то возникает та вещь, которую Плотин обозначает безобразной: «Все бесформенное, [однако] по природе способное принять форму и эйдос, будучи непричастным смыслу и эйдосу, безобразно... – Безобразно также и то, что еще не побеждено формой и смыслом, когда материя не поддалась окончательному оформлению через эйдос...» [4, 437].

Античные философы сделали первые попытки установить взаимосвязь между эстетическими понятиями: прекрасным и безобразным, безобразным и комическим; между эстетическими и этическими: прекрасным и добрым, безобразным и злым, плохим. Содержание понятия безобразного раскрывается через такие признаки как: нецелесообразное (Сократ), несоразмерное, несогласованное (Платон), неопределенное, безмерное, ассиметричное (Аристотель), неопределенное, бесформенное (Плотин). Если в эпохе архаики толкование безобразного сводилось к таким понятиям как хаос и зло, в классический период выступало как ослабленное действие идеи (эйдоса) и ослабление принципа соразмерности, то в эстетике неоплатонизма мы наблюдаем сближение понятия безобразного с понятиями «находя-

щегося извне», «иноного». Отсюда особый интерес к понятиям «не-сущего» и инобытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кун, Н. А., Нейхардт А. А. Легенды и мифы Древней Греции / Н.А. Кун, А.А. Нейхардт. – СПб.: Литера, 2000. - 608с.
2. Лосев, А. Ф. Хаос // Мифы народов мира: Энциклопедия / под ред. С.А.Токарева - в 2-х т. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1982. - 718с.
3. Аристотель. Поэтика / Аристотель. //Соч. в 4-х т. Т.4. – М.: Мысль, 1983. - 830с.
4. Плотин. О потенции и энергии / Плотин. // Лосев А. Ф. Бытие – Имя – Космос / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993. – 958с.

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ВЕТЕРИНАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ

И.И. Картунова

Витебск, ВГУ

Образование входит в разряд приоритетов государственной социальной политики в Республике Беларусь. В условиях реформирования образования значимой становится задача совершенствования системы профессионального образования сельскохозяйственного профиля. Анализ путей ее становления позволит изучить механизм исторической преемственности в развитии ветеринарного образования, а также определить наиболее эффективные меры, которые следует принять для ее модернизации в новых социально-экономических условиях.

Цель исследования – выявление основных предпосылок становления ветеринарного образования в Беларуси.

Материал и методы. Истоковедческой базой послужили исследования ученых, работающих в данной области. Работа выполнена с использованием комплекса методов, реализуемых в историко-педагогических исследованиях.

Результаты и их обсуждение. В XIX веке в связи с широким распространением эпизоотий, а так же малочисленностью ветеринарного персонала возникла необходимость расширения и укрепления сети ветеринарных учреждений. Поскольку в данный период белорусские земли входили в состав Российской империи, то на их территории распространялись общероссийские принципы организации ветеринарного дела.

В конце XVIII и начале XIX столетий возникла необходимость введения в программу высшего медицинского образования ветеринарных дисциплин. Это было обусловлено потребностью в более квалифицированном проведении мерами мер против повальных болезней и падежа скота. Также созрел вопрос об отдельной подготовке высших ветеринарных кадров.

По инициативе И.С. Андреевского в уставе медицинского отделения Московского университета в 1805 году была предусмотрена самостоятельная кафедра «скотолечения», изучавшая основы ветеринарии.

При Санкт-Петербургской и Московской медико-хирургических академиях в июне 1808 года были открыты «скотоврачебные» училища, позднее переименованные в ветеринарные отделения [1]. Царским указом в августе этого же года утвержден Устав медико-хирургических академий, в котором закреплялась их обязанность готовить ветспециалистов. Аналогичное ветеринарное отделение было открыто в 1818 году при Виленском университете. Таким образом, в данный